

Трепетные искры любви

Она ломает стереотипы, руководствуясь в жизни восточными мудростями

УТРОМ на второй день пребывания в Магнитогорске Ирина Хакамада отправилась в горнолыжный центр «Металлург-Магнитогорск» – там она решила отдохнуть и долго бродила, фотографируя красоты уральской природы.

После обеда согласилась на интервью для «Магнитогорского металла».

– Вы сказали, что обычно после ваших семинаров задают вопросы по его теме, а магнитогорцы интересовались лично вами. Следовательно, пришли не послушать, а на вас посмотреть. Не обидно?

– Нет, потому что страна большая, у людей не хватает информации, да и меня услышать по телевидению теперь очень сложно. Поэтому есть мотивация.

– Вы ведете мастер-классы по шести темам, и я бы просила вас составить еще две. Как научиться себя любить – это первая, а вторая – где в наше время найти «...интересных, небанальных мужчин, с которыми нам было бы интересно жить вместе годы и чему-то у них учиться...» Кажется, так вы говорили о своих мужьях. Потому что в России, по-моему, это совершенно невозможно – кругом одни баналы.

– (Громко хохочет). В принципе, это очень сложно. Причем, если вы полагаете, что это только в Магнитогорске, то очень ошибаетесь – в Москве с настоящими мужчинами еще хуже. Потому что Москва переполнена деньгами, и мужчины перестают чужать почву под ногами, если они у них есть, и наоборот, образуют кучей комплексов, если их нет. Там уже нет самодостаточности: мужчины все время пытаются либо встроиться в мейнстрим – и тогда они превращаются в монстров и считают женщину просто своим приложением. А если они выпадают из него, становятся лузерами – тогда дико банальны, потому что слабые, несчастные, и женщинам приходится тащить их на своем горбу.

– Вы говорили, что от каждого своего мужчины уходили, когда понимали, что переросли его: с ним уже неинтересно. А в этих отношениях нужно дойти до конца или уйти немного раньше, оставив «незаключенный роман»?

– Конечно, нужно дойти до предела, потому что все равно это очень тяжело – расставаться с близкими людьми. Причем, вы прекрасно понимаете, что новый мужчина – он вообще-то тоже не будет идеальным, к сожалению. Поэтому многие считают: зачем разводиться, если следующий будет таким же, только еще и с неизвестными тебе заморочками.

– Я спросила вашего пресс-секретаря: всегда ли вы с фотоаппаратом? И он так лениво ответил: да, фотографирует все, что ей нравится, вот была в саванне – львов каких-то сфотографировала – премию получила...

– (Смеется). Да, но саванна – это легкий объект, для этого не надо быть профессионалом – все и так слишком красиво. Но я поймала, львиц, когда они шли совсем близко от меня – и это видно на камере... И мне было действительно страшно.

– Разве вы имеете право так рисковать собой? Вы уже принадлежите не себе, а всем нам.

– (Смеется). Ну, тот рейнджер, который был рядом, не знал о моем статусе, потому что я прикинулась журналисткой, и он решил, что меня можно съезить.

– Как именно было страшно: ужасно поженски или адреналинило по-мужски?

– Это адреналин, и очень опасный. Нужно все равно быть аккуратным, потому что дикое животное может совершить непредсказуемый шаг, и его реакция будет быстрее вашей.

– По вашему мнению, лидера делает группа поддержки – причем, не заместители, а неформальное окружение – родные, близкие...

– Да, потому что именно они вытаскивают вас из любой ситуации, депрессии и дадут вам энергию. Когда в 2003 году моя дочь заболела раком, я, разумеется, думала, что мне конец: в том году мы проиграла выборы, меня турнули с государственной дачи, а квартиры не было. Маша лежала в больнице, а ведь у нас в стране прекрасные врачи – но отвратительный уход. И условия пребывания ее были настолько плохими, что сами врачи делали все, чтобы скорее выписать ребенка из больницы. После химиотерапии иммунитет ребенка ослаблен, любая инфекция могла привести к непоправимым последствиям – ее нужно было держать за городом, причем постоянно все мыть и стирать. А меня выкинули на улицу – забрать Машку некуда. И меня спасли друзья: одни позвонили лучшему доктору – и мы отправились к суперпрофессору, который тут же настроил меня оптимистично. Другие, купив дом за городом, тут же пригласили меня туда, наняли мне в помощь женщину – и у них я прожила полгода. Между прочим, я была в опале, так что они рисковали – но это уже другая история. Все это время я находилась в дикой депрессии, из которой меня вывел муж – он просто сказал: «Если ты будешь в таком состоянии, мы Машку не вытаскиваем – энергию тебе даст то, что ты любишь. Так что иди и работай. Это даст тебе сил, и мы вытаскиваем Машку». И мы ее вытаскивали. Так что эта поддержка просто необходима – и лидеру в том числе.

– Но ведь есть волки-одиночки: друзьям не доверяют, с мужем или женой не сложилось, детей бог не дал или они пока маленькие... Им не быть лидерами?

– Нет. Можно быть лидером, но в своей индивидуальной профессии – у меня муж такой. Он всегда говорил: «Я никогда не буду ни начальником, ни подчиненным – я буду работать только на самого себя».

– Вы это поддерживали или вас и не спрашивали?

– Конечно, поддерживала! Вот недавно ему предложили контракт – топ-менеджер в большой фирме, куча бабла. Я сразу сказала: «Не иди – все завалишь и поссоришься со всеми уже через месяц. Черт с ними – с деньгами, все равно счастья не будет».

– Так мудро может посоветовать только человек, который имеет в запасе определенный капитал и может позволить себе плюнуть на деньги ради личного спокойствия.

– У нас нет больших денег, но мы всю жизнь вкалываем. Вот сейчас я приехала к вам – это тоже моя работа.

– Кстати, интересно ли чувствовать себя, когда вас хорошо принимают, вкусно кормят, удобно стелют, вам внимают, но при этом всем от вас что-то нужно: мне – интервью, фотографу – удачное фото...

– (Улыбается). Да, кому-то пиар, все понятно... Когда вы знаете жанр, в котором работаете, это комфортно – правила игры известны. Когда же они нарушаются, это обидно и дико бесит. К примеру, вам говорят: «Нам очень нравится все, что вы написали в своем сценарии, это гениально!» – а потом подсовывают контракт. И, читая его, ты понимаешь, что на сценарий им плевать, на ваш авторский взгляд – тоже, что этот человек может все исковеркать, за это ты ему на всю жизнь отдаешь права на свое имя: чтобы потом, лет через 50, он еще мог делать с вашей рожей игрушки. И это тоже будет принадлежать только ему. То есть он хочет твой бренд и считает, что придумал фишку – сказать творцу, что он гений, и получить с него все сливки. Вот это уже нарушение правил. И приходится объяснять человеку, что он не на того напал. И обидно тратить на это время. Ну, согласитесь, умный человек понял бы сразу: если я была вице-спикером, кандидатом в президенты, занималась частным бизнесом, живу самостоятельной жизнью и остаюсь на виду у всей страны, несмотря на уход из политики и то, что меня вырезают из эфиров, – наверное,

я не такой лох, чтобы купиться. Это большая ошибка – всегда надо правильно оценивать оппонента.

– Продолжим об оппонентах, и постраййтесь не швырнуть в меня стулом. Небезызвестный вам Андрей Караулов...

(Шумно выдыхает, замолкает, отворачивается в сторону).

– Он утверждает, что фамилию Хакамада нужно произносить с ударением на последнем слоге – разве бывают такие японские фамилии?

– (Тихо и медленно). В японском языке ударения ставятся на каждом слоге: «Спасибо» – «А-ри-га-то», «Я» – «Ва-та-хи-ва». Такое большое и значительное слово «Я», потому что японцы гордятся собой. Соответственно – «Ха-Ка-Ма-Да», будто ударяете в барабан с одинаковой силой. Конечно, русские не могут к этому приспособиться, и они остановились на Хакамада. А Караулов использует этот метод, чтобы унижить, потому что коверканье фамилии – это унижение.

– Давно ли вы научились отвечать достойно на такие унижения? Я ведь помню и «Школу злословия», и другие примеры...

– Нет, не сразу – это опыт. Как восточный человек, я сдерживалась всегда, но потом целый вечер лежала в депрессии, переживала... Но я научилась держать все на расстоянии, иначе будет какая-нибудь душевная болезнь.

– Вы сказали, что депрессия – это нормальное состояние для человека думающего, и он обязательно встретится с ней. Но ведь ее сопровождают отчаяние и уныние, а это грех.

– Да, поэтому с депрессией нужно подружиться – типа: ну давай поговорим, ты такая хорошая, так вовремя пришла... Ублажить ее, а потом аккуратно вытутить из души. По-другому никак.

– Вы говорите, что основой для PR может быть любой повод, и нужно уметь этим пользоваться. Почему же тогда вы не делаете PR на детском раке, с которым вы знакомы ближе некуда?

– Да, пиар нужно уметь делать на всем, даже если тебе кажется, что это антипиар. Я помогаю Чулпан Хаматовой, всегда участвую во всех ее благотворительных вечерах – чего мы только не делали: и рисовали кукол с Еленой Макашовой, и продавали их за баснословные деньги олигархам.

– И при чем тут PR, если телеинтервью дает только Чулпан Хаматова, а не вы?

– И я даю, но у нас на федеральных каналах есть цензура, причем, она тотальная и касается не тем, а человека.

– Что вы можете сказать людям, у которых нет денег, которые потому опустили руки и смирились с тем, что их ребенок умирает?

– (Долго молчит). В России, если попадете на хороших врачей, то они помогут – они лечат бесплатно. Единственное, вам придется покупать лекарства. Вот мы лечились в обыкновенной республиканской больнице. Там были тяжелые условия, но лечение более профессиональное, чем в Германии, и я отказалась от Германии.

– Сейчас все в порядке?

– Вроде бы, тьфу-тьфу, не люблю на эту тему говорить, чтобы не слгзист.

– Когда-то была фишка: Ирина Хакамада – всегда в черном. Потом вы вышли из этого цвета. Это тоже фишка? Или вы просто устали от черного?

– Я его очень люблю и не устала – зимой я в черном, а летом не хочу. Вот я недавно пришла на «Серебряный дождь» в белой кофте, и мои редакторы говорят: «Такой отстой. Фишка Хакамады – черное, а вы так банально нарядились в белое». Мы посмеялись, я послала их к черту и сказала, что хочу летом радости.

– Вы признаны ломателем стереотипов, и при этом призываете жить по восточным мудростям. Но ведь мудрость, если задуматься, – это и есть стереотип:

Ее приезд в Магнитогорск ожидался с неким придыханием